

P. OLIVA, Sparta and her social problems, Prague, 1971

Книга П. Оливы — первое монографическое исследование, в котором известный чешский историк на основе марксистской методологии анализирует проблемы становления и развития древней Спарты. Автор прослеживает историю спартанского общества в течение архаического, классического и эллинистического периодов. В соответствии с этим и книга состоит из трех глав. Каждая глава делится на параграфы, посвященные изучению наиболее важных социальных проблем спартанской истории.

Во введении (стр. 9—12) П. Олива решительно выступает против попыток объяснения особенностей спартанской общественной жизни специфическими чертами дорийских завоевателей и приходит к совершенно справедливому выводу о том, что особенности спартанского режима, а также поляризация сил, которая привела к конфликту между Спартой и Афинами в классическое время, были следствием процесса длительного развития, протекавшего в различных исторических условиях.

Первая глава рецензируемой книги называется «Возникновение спартанского государства и его характерные черты». Ключевая проблема раннеспартанской истории — переселение дорийцев. П. Олива убедительно показывает несостоятельность гипотезы Ю. Белоха о том, что дорийцы якобы вместе с другими племенами появились на Балканах в начале II тыс. до н. э., а рассказы о дорийском переселении были составлены значительно позже в VIII—VI вв. до н. э. (стр. 15). Указывая на то, что некоторые советские исследователи, например А. И. Тюменев и Р. В. Шмидт, приняли точку зрения Ю. Белоха, признав, правда, что существовала внутренняя миграция среди греческих племен, П. Олива ссылается на книгу «История древней Греции» (Л. М., 1936, стр. 208—211), где глава о Спарте, Беотии, Фессалии и Крите написана Р. В. Шмидт. Однако автор, к сожалению, не ссылается на специальную статью Р. В. Шмидт «Античное предание о дорийском переселении», опубликованную

в ВДИ (1938, № 2), и работы советских ученых, в которых исследователи уже с современных позиций трактуют эту проблему¹.

При нынешнем состоянии знаний невозможно в деталях проследить движение дорийцев; археологический материал пока еще, к сожалению, оказывает малоэффективную помощь. Трудность же использования традиции о дорийском переселении заключается в том, что она тесно переплетается с мифом о возвращении Гераклидов. Поэтому важнейший источник для получения информации о дорийском вторжении — греческие диалекты.

Признавая это (стр. 19), П. Олива тем не менее подробно не анализирует этот источник. Он ссылается на статью Н. Хэммонда «Доисторический Эпир и дорийское вторжение», написанную еще в 1931 г., тогда как в настоящее время по различным проблемам греческой диалектологии существует большая литература, которую автор почемуче-то совершенно не использует². Проникновение дорийцев в долину р. Эвроты П. Олива относит к X в. до н. э., ссылаясь на работы Н. Хэммонда и Ф. Кихле (стр. 28). Эта дата получила наиболее широкое распространение в литературе. С ней соглашается также большинство советских исследователей³.

Другая, не менее важная проблема — возникновение спартанского государства и формирование его общественного строя. Современные исследователи полагают, что своеобразная спартанская конституция возникла в результате военной экспансии, осуществлявшейся вплоть до начала VI в. до н. э. Первым этапом этой экспансии была борьба дорийцев, поселившихся в долине Эвроты, с местным населением за утверждение своего господства в Лаконике. Одним из важнейших событий этого периода было синойкизм, относящийся к первой половине VIII в. до н. э. и положивший начало спартанскому государству. Многие современные исследователи именно с синойкизмом связывают возникновение института двух спартанских царей⁴. Нам представляется, что эта точка зрения ближе к истине, чем попытка П. Оливы (стр. 27) объяснить происхождение этого института с помощью этнографических параллелей между Спартой и федерацией ирокезских племен, руководимых двумя военными вождями⁵.

¹ См., например, К. М. Колобова, К вопросу о Минойско-Микенском Родосе и проблема переходного периода в Эгейде 1000—900 гг. до н.э., «Уч. зап. ЛГУ», № 192, вып. 21, 1956, стр. 29 сл.; «История древней Греции», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956, стр. 65 сл.; «История древней Греции», под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, М., 1962, стр. 107—108.

² C. D. Buck, The Greek dialects grammar selected inscriptions glossary, Chicago, 1956; A. Thumb, E. Kiessers, Handbuch der griechischen Dialekte, I, Heidelberg, 1932; A. Thumb-Scherrer, Handbuch der griechischen Dialekte, II, Heidelberg, 1959. Следует также указать на труды И. М. Тронского, написанные им в течение 1960—1969 гг. и вошедшие составной частью в его книгу, опубликованную посмертно, — «Вопросы языкового различия в античном обществе» Л., 1973.

³ Н. Н. Пикус, Спарта в VIII—VI вв. до н.э., в кн. «История древней Греции», М., 1962, стр. 155—156; К. М. Колобова, Л. М. Глускина, Очерки истории древней Греции, Л., 1958, стр. 80; «История древней Греции», М., 1956, стр. 91.

⁴ A. J. Toynbee, Some problems of Greek history, L., 1969, стр. 171 сл.; W. G. Forrest, A history of Sparta 950—195 b. c., L., 1968, стр. 28—33.

⁵ Еще во времена Геродота осознавалось смешанное происхождение господствующего класса в Спарте (Herod., IV, 145—150), что было следствием объединения различных поселков в единую спартанскую общину. Без особого труда можно установить сходство между образованием спартанской общины и возникновением Рима, причем это сходство может служить небезынтересным фактом при объяснении происхождения института двух спартанских царей. Как сообщает Плутарх, в результате военного столкновения между римлянами и сабинянами было решено, что те и другие должны поселиться в одном городе (σικεῖν δὲ κοινῇ τὴν πόλιν). В связи с этим в Риме появился институт двух царей (Ромул и Тит Татий), которым предстояло сообща царствовать и командовать войсками (βασιλεύειν δὲ κοινῇ καὶ στρατῆγεῖν ἑξοτέρως). Возможно, также и спартанские цари первоначально были представителями различных общин, тем более что их гробницы находились в разных местах Спарты. Ср. сообщение Плутарха (Rom. XX) о том, что Ромул и Татий жили в разных местах Рима и не сразу стали держать совет сообща: сперва они совещались порознь, каждый со своими представителями.

В период борьбы Спарты за утверждение своего господства в Лаконике и затем во время Мессенских войн сложились две категории зависимого населения — илоты и перизки. П. Олива уделяет значительное внимание вопросам происхождения этих категорий населения и особенностям их социального положения в спартанском государстве (стр. 38—62). Автор справедливо отмечает, что эти формы зависимости складывались под влиянием завоевания в условиях еще недостаточно развитой формы частной собственности на землю. Поэтому илоты становились собственностью коллектива завоевателей (стр. 43, 59 сл.). Однако вывод П. Оливы о том, что «гражданская земля» в Спарте (*πολιτικὴ χῶρα*) не была общинной землей (стр. 38), звучит очень неубедительно. Никаких доказательств в пользу своего утверждения автор не приводит и ссылку на авторитет Г. Бузольта (стр. 34, прим. 1) едва ли можно рассматривать как спасительную нить Ариадны. Спартанское государство, возникая в процессе завоевания, с одной стороны, приспособляло к новым условиям элементы общинного самоуправления и создавало новые институты, присущие уже классовому обществу, с другой — старалось путем различных мер препятствовать процессу дальнейшей дифференциации и разложения общины завоевателей вследствие роста частной собственности на землю. Поэтому мы разделяем мнение исследователей, рассматривающих *πολιτικὴ χῶρα* как общинную землю, которой распоряжалось спартанское государство, и находим вполне уместным сравнение ее с римским *ager publicus*⁶.

Промежуточное положение между спартанскими гражданами и илотами занимали перизки. Этническое происхождение их, как справедливо отмечает П. Олива, было неоднородным, но дорийцы среди них, по-видимому, преобладали (стр. 59). Особенности землепользования составляли экономическую основу их социального положения. П. Олива, как и многие современные исследователи, не отрицает существенного различия между гражданской землей и землей перизков (стр. 35). Однако едва ли можно согласиться с выводом автора о том, что землей перизков распоряжалось спартанское государство (стр. 35). Перизки, по-видимому, владели землей, которая принадлежала им на началах индивидуальной собственности, поэтому в отличие от участков спартиатов могла отчуждаться⁷. Вследствие этого и социальный состав перизков был неоднородным.

Следующим этапом спартанских завоеваний, с которым непосредственно связано дальнейшее развитие спартанского общественного строя, были I и II Мессенские войны. Современные исследователи признают, что важнейшим результатом войн было обострение социальных противоречий внутри спартанского общества, обусловившее необходимость проведения различных реформ. Античная традиция связывает происхождение спартанской конституции с именем Ликурга. Уже в древности о нем высказывались самые различные мнения. Не менее дискуссионной является проблема Ликурга и в настоящее время. Исследование этого вопроса нашло свое отражение и в книге П. Оливы (стр. 63—70). Отрицая божественную сущность Ликурга, автор в то же время отмечает, что его историческое существование также не может быть доказано. Тем не менее он признает, что легенда о Ликурге — не чистая фантазия, а мифологическое отражение исторической реальности. Говоря о происхождении спартанской конституции, П. Олива солидаризуется с Г. Бенгтсоном и Эд. Мейером в том, что спартанский режим был работой не одного законодателя, а результатом постепенного развития.

⁶ Колобова, Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 81; В. С. С е р г е е в, История древней Греции, М., 1963, стр. 150; Ю. В. А н д р е е в, Спарта как тип полиса, «Вестник ЛГУ», № 8, вып. 2, 1973, стр. 52, сн. 19. Едва ли можно согласиться с попытками П. Оливы (стр. 43) видеть в Спарте элементы древневосточного экономического уклада.

⁷ Эта мысль нашла отражение, например, в следующих работах: А. Б е р г е р, Социальные движения в древней Спарте, М., 1937, стр. 15; С е р г е е в, История древней Греции, стр. 153.

С именем Ликурга тесно связано возникновение так называемой ликурговой ретры, содержание которой приводит Плутарх (Лус. VI). По признанию большинства исследователей, ретра — не только подлинный документ раннеспартанской истории, но и один из важнейших памятников архаической Греции вообще. Что же касается содержания ретры и ее датировки, то по этому вопросу высказываются самые различные точки зрения. Отмечая архаический язык ретры и особенности ее содержания, П. Олива, как и другие исследователи, датирует ретру серединой VIII в. до н. э. и рассматривает ее как выражение синойкизма (стр. 97—98).

В одном из первых постановлений ретры говорится о филах и обах. Как справедливо отмечает П. Олива, это постановление отразило два принципа деления спартанских граждан: *φιλάζειν* обозначает племенное деление; *ὄβριζειν* — территориальное деление, причем, по-видимому, территориальные обы соответствовали пяти спартанским комам (стр. 80 сл.). Не меньшее значение имеет также постановление ретры относительно народного собрания. Общеизвестным выводом, вытекающим из содержания ретры, можно считать то, что апелла стала регулярно функционирующим органом. Она теперь собиралась в определенное время (*ὡρας ἐξ ὡρας ἀπελλάζειν...*) и в определенном месте (...*μετὰ τὸ βαρόκας*) *τε καὶ Κνακιδῶνος*). Геронты выступали перед народным собранием с предложениями (*εἰσφέρειν*). Более трудна интерпретация выражения *ἀφίστασθαι*.

П. Олива (стр. 96) вслед за Н. Хэммондом рассматривает *ἀφίστασθαι* как медиальную форму инфинитива, обозначающую «объявлять перерыв», «заклывать» (*Adjourn, conclude*). На этом основании он интерпретирует фразу *οὗτος εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι*, таким образом, что представители герусии выносили на обсуждение народного собрания предложения (*εἰσφέρειν*) и после того, как они были обсуждены, закрывали народное собрание (*ἀφίστασθαι*) (стр. 93). Эта интерпретация обусловлена тем, что, по мнению П. Оливы (стр. 94), народное собрание Спарты мало чем отличалось от агоры Гомера. Однако мы считаем более справедливыми попытки современных исследователей видеть в ретре отражение качественно новых процессов по сравнению с гомеровским обществом, начавших совершаться в Спарте после синойкизма. Толкование *ἀφίστασθαι* у П. Оливы несколько не соответствует содержанию последней фразы ретры *γαμωδανγορίαν ἤμεν καὶ κράτος*. Интерпретация этого выражения в ретре имеет важное значение для ее политической направленности. Поскольку именно в этом месте текст ретры испорчен, то по поводу интерпретации этой фразы высказывались самые различные мнения среди ученых. Многие исследователи, в том числе и П. Олива, отдают предпочтение выводам М. Троя⁸, который, исправляя испорченное место, предлагает читать его следующим образом: *δαμω δ'ανταγορίαν ἤμεν καὶ κράτος*. Это дает основание предполагать, что укрепляющий свои позиции демос требовал предоставления ему определенных прав. На возможность появления демоса как самостоятельной политической силы уже в VIII в. до н. э. указывал В. Эренберг⁹.

Итак, мы считаем *ἀφίστασθαι* пассивным инфинитивом, значение которого, по-видимому, лучше передать как «отклонять», «отводить», делая ударение не на герусии, а на народном собрании, так как последняя фраза уточняет смысл предыдущего выражения: *οὗτος εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι· δαμω δ'ανταγορίαν ἤμεν καὶ κράτος*. Поэтому общий смысл выражения можно передать следующими словами: «таким образом, вносить (предложения на рассмотрение народного собрания) и отводить их (под давлением народного собрания); ведь у народа должна быть власть и сила». Эта интерпретация не противоречит комментарию ретры у Плутарха. Кроме того, в этом случае становится более понятной принятая позже поправка к ретре (Plut.,

⁸ M. T r o y, *Der Schlußsatz der großen Rhetra*, «Hermes», 76, 1941, стр. 33.

⁹ V. E h r e n b e r g, *Der Damas im archaischen Sparta*, «Hermes», 68, 1933, стр. 288—305; см. также E. N. T i g e r s t e d t, *The Legend of Sparta in Classical antiquity*, 1, Stockholm, 1965, стр. 55. В советской литературе на антиаристократическую направленность «Ликурговых законов» недавно указал Ю. В. Андреев в упоминаемой нами статье «Спарта как тип полиса», стр. 54.

Лус. VI), которую можно рассматривать как реакцию аристократии, стремившейся ограничить влияние демоса. Характеризуя постановление ретры о герусии и народном собрании, необходимо отметить их значение в общегреческом масштабе. П. Олива (стр. 97) не соглашается с мнением А. Эндрю, который проводит параллель между ретрою и конституцией Клисфена¹⁰. Не отрицая того, что спартанское общество существенным образом отличалось от афинского, тем не менее следует признать, что и в демократических, и в олигархических конституциях, которые возникли после падения тиранических режимов в греческих государствах, было два существенных элемента: народное собрание и совет. Поэтому вполне справедливо А. Эндрю и ряд других исследователей считают, что ранние следы этой системы конституционного правления мы находим в ликурговой ретре, согласно которой герусия стала пробудителем для спартанского *damos*. Таким образом, с принятием ретры Ликурга можно связать начало ограничения влияния родо-племенных отношений и формирование спартанского полиса.

Дальнейший этап в развитии спартанской конституции связан с Мессенскими войнами. В рецензируемой книге уделяется значительное внимание этой проблеме (стр. 102—123). Отмечая важнейшие последствия Мессенских войн, П. Олива совершенно правильно рассматривает их как первостепенную причину, обусловившую социально-политические процессы в Спарте в VII—VI вв. до н. э. I Мессенская война, победоносно окончившаяся для лакедемонян, обострила внутриспартанские социальные противоречия. Война, по-видимому, способствовала усилению авторитета герусии. В связи с этим очень важна проблема спартанской аристократии. После того как окончательно утвердились «Ликурговы законы», аристократия, хотя и сохраняла некоторые из своих привилегий, оказалась в то же время нивелированной и растворившейся в массе граждан¹¹. Однако во времена Мессенских войн и вскоре после них она, по-видимому, сохраняла еще значительное влияние. П. Олива (стр. 118—120), не отрицая существование аристократии в Спарте в столь ранний период, не соглашается лишь с тем, что ее влияние держалось с помощью частной собственности на землю и общественных привилегий. П. Олива считает, что частная собственность в Спарте не получила развития и поэтому после I Мессенской войны вся завоеванная земля стала собственностью государства. При ее распределении аристократы и цари получили специальные наделы — темены, что и способствовало укреплению их позиции в спартанском государстве.

П. Олива совершенно справедливо указывает на то, что чувство единства гражданского коллектива было в Спарте выражено более, чем в каком-либо государстве. Это могло быть обусловлено, во-первых, тем, что в Спарте были все еще сильные элементы родо-племенных отношений. Во-вторых, тем, что в результате захватнических войн спартапцы приобрели не только землю, но и власть над крестьянами, которые ее обрабатывали. Опасность восстания порабощенного населения требовала максимального сплочения спартиатов. В связи с этим нам представляется, что обострение социальных противоречий было следствием нарушения единства гражданского коллектива, происшедшего по причине присвоения некоторыми спартиатами (аристократией) части земельных владений, полученных после победы в I Мессенской войне и их попытками ограничить права народного собрания принятием поправки к ретре.

После II Мессенской войны социальные противоречия в Спарте вновь обостряются. Аристотель (Pol. V, 6, 2), ссылаясь на Тиртея, отмечает, что в это время с новой

¹⁰ A. and G. E. E. E., *Eunomia*, ClQ, 32, 1938, стр. 102; он же, *The Government of classical Sparta*, в кн. «Ancient society and institutions. Studies presented to V. Ehrenberg», Oxf., 1966, стр. 4. См. также Т о у н б е е, ук. соч., стр. 235. Ю. В. Андреев тоже высказал мысль о возможности сопоставления общественно-политического строя Спарты с крестьянской демократией, возникшей в Афинах после реформ Солона и Клисфена (см. А н д р е е в, ук. соч., стр. 54, прим. 28).

¹¹ А н д р е е в, ук. соч., стр. 54, прим. 27.

силой встал вопрос о перераспределении земли. Следствием этого кризиса было проведение в Спарте реформ, способствовавших укреплению коллектива спартанских граждан посредством создания так называемой общины равных. В этом процессе, как справедливо отмечает П. Олива (стр. 122), эфорат сыграл очень важную роль. Однако параграф, посвященный исследованию этого спартанского института, в книге П. Оливы (стр. 123—131) имеет, на наш взгляд, известный недостаток, заключающийся в том, что автор рассматривает происхождение эфоров и их функции с точки зрения той роли, которую они играли в историческое время. П. Олива не привлекает работы, где эфорат рассматривается как древний институт, корни которого необходимо искать в первобытном прошлом дорийцев¹².

Мы вполне согласны с автором в том, что в конце архаического периода эфоры защищали интересы спартанского гражданского коллектива в целом против усилий аристократов утвердить свой авторитет и господство. Однако это не может служить доказательством, что эфорат не имел никакого отношения к племенной системе. Связь пяти эфоров с пятью территориальными общинами только тогда могла бы иметь решающее значение, если бы мы с полной уверенностью могли утверждать, что такое число эфоров существовало с самого начала возникновения этой коллегии. К. М. Т. Краймс высказывает довольно убедительные доводы в пользу того, что первоначально было два или, может быть, три члена этой коллегии. При этом она связывает происхождение эфоров с дорийскими филами и царской властью. Возможно, связь эфоров с общинами отражает более поздний период, когда этот институт стал самостоятельным и укрепил свой авторитет, служа интересам демоса в его борьбе с аристократией и царской властью.

Взаимоотношения между эфоратом и царской властью — предмет дискуссии для современных исследователей. Некоторые ученые, принимая точку зрения Г. Дикинса, предложенную им еще в начале XX в.¹³, считают, что конфликт между царской властью и эфоратом был важнейшим фактором спартанской внутренней и внешней политики, начиная с 550 г. до н. э. Однако, как справедливо отметил И. Хан¹⁴, беспристрастный анализ исторических фактов показывает, что очень трудно провести грань между политикой эфоров и политикой царей. Цари в одном случае действовали сообща с эфорами, в другом — приходили с ними в столкновение. Причем этот конфликт всегда возникал в связи с конкретными обстоятельствами и едва ли может быть воспринят как выражение постоянной и принципиальной борьбы между эфорами и царями. Поэтому мы считаем более приемлемым вывод П. Оливы о том, что во второй половине VI — начала V в. до н. э. главным содержанием внутривнутриполитической и внешнеполитической истории Спарты был конфликт между царями, и эфоры были вовлечены в него как с той, так и с другой стороны (стр. 147).

Последний параграф первой главы посвящен исследованию состояния Спарты в конце архаического периода. П. Олива совершенно правильно поддерживает идею о социальном перевороте в Спарте в течение VI в. до н. э. (стр. 133—136), которая получила широкое признание в работах современных исследователей, в том числе и советских¹⁵, однако он не говорит о Спарте как полисе. По-видимому, в этом вопросе П. Олива солидаризируется с мнением некоторых исследователей, которые в своих работах, посвященных Спарте, утверждают, что она не может считаться полисом. Тем не менее, если важнейшей чертой полисной организации считать «контроль со стороны гражданского коллектива над частной собствен-

¹² К. М. Т. Ч р и м е s, *Ancient Sparta*, Manchester, 1952, стр. 403 сл.

¹³ G. D i c k i n s, *The growth of the Spartan policy*, JHS, 32, 1912, стр. 22 сл.

¹⁴ J. H a h n, *Aspekte der Spartanischen Außenpolitik im V Jhrh.*, «Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», XVII, 3—4, 1969, стр. 285—296.

¹⁵ С. Я. Л у р ь е, О фашистской идеализации Спарты, ВДИ, 1939, № 1, стр. 100 сл.; К о л о б о в а, Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 84 сл.; Ю. В. А н д р е е в, Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) дис., Л., 1967, стр. 29 сл., 452; он же, Спарта как тип полиса, стр. 54.

ностью его членов»¹⁶, то именно в Спарте это явление античной формы собственности нашло наиболее полное выражение. Поэтому Спарта «несмотря на „негородской“ образ жизни и другие особенности, противоречащие нашим представлениям о полисе, несомненно, воплощает в себе именно этот тип организации господствующего класса»¹⁷.

П. Олива, исследуя внутривосточные проблемы в Спарте, дает краткую характеристику изменений, происшедших в спартанской внешней политике, и отмечает, что во второй половине VI в. до н. э. Спарта отказывается от территориальной экспансии и стремится создать под своим руководством Пелопоннесский союз (стр. 136). Однако нам представляется, что это традиционное мнение о характере спартанской внешней политики не совсем верно. Во всяком случае война между Спартой и Аргосом за Фиреатиду, имевшая место уже после того, как было положено начало созданию Пелопоннесского союза и был заключен союзный договор с Тегеей, а также попытки Спарты распространить свое влияние за пределы Пелопоннеса свидетельствуют о продолжавшейся экспансионистской политике, хотя и в новых условиях. В связи с этим нам хотелось бы отметить, что, говоря о социальных изменениях в Спарте в VI в. до н. э., следует иметь в виду не только внутренние причины, но и особенности спартанской внешней политики, ибо как свидетельствуют источники, вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э. отмечены рядом поражений в столкновениях Спарты с Аргосом и Аркадией. Да и военная организация общества уже не соответствовала требованиям времени и нуждалась в реорганизации. Поэтому реформы, проводившиеся в VI в. до н. э. в Спарте, имели целью стабилизировать государственный порядок, разрешить некоторые социальные противоречия, обезопасить Спарту от илотских восстаний и, усовершенствовав военную организацию общества благодаря введению строя гоплитов, продолжить политику утверждения спартанского господства в Пелопоннесе и за его пределами на новой основе.

Во второй части книги дается исследование спартанского общества в V—IV вв. до н. э. Важнейшей особенностью истории Спарты по сравнению с историей Афин была ее обезличенность. Литературная традиция сохранила сведения об очень ограниченном числе политических деятелей Спарты, оставивших глубокий след в истории. Поэтому вторая и третья части работы П. Оливы посвящены главным образом выяснению роли этих личностей в социально-политической жизни спартанского общества классического и эллинистического времени.

Первая проблема, которую П. Олива исследует, характеризуя состояние Спарты в V—IV вв. до н. э., — так называемая III Мессенская война и причастность к ней спартанского царя Клеомена. Основной вывод автора сводится к непризнанию того, что спартанцы действительно воевали с мессенскими илотами в начале V в. до н. э. (стр. 145). История Мессенских войн, как справедливо отмечают исследователи, складывалась под влиянием освобождения Мессении из-под власти лакедемонян. Пусть некоторые детали рассказа о I и II Мессенских войнах — это легенда. Но бесспорно, что эта легенда оформлялась на основе реального факта существования I и II Мессенских войн. Вряд ли можно думать, что Мессенская война в начале V в. до н. э. выдумана от начала и до конца, хотя есть некоторые факты, реальность которых невозможно опровергнуть¹⁸. Несомненно, прав Ф. Якоби, когда пишет о том, что события этой войны, описание которых дает Павсаний, вымышлены. Однако реальным фактом, на основе которого было составлено это описание, могло послужить Мессенское восстание, возможно вспыхнувшее накануне Марафонской битвы. Но, по-видимому, это восстание не носило затяжного характера, и спартанцы

¹⁶ К. М. Колотова, Греция в VIII—VI вв. до н. э., в кн. «История древней Греции», М., 1962, стр. 151.

¹⁷ Андреев, Спарта как тип полиса, стр. 51.

¹⁸ Thuc. VI, 4, 6; Plut., Leg. III, 692 D; 698 D—E; Strabo, VIII, 4, 10; Paus., IV, 23, 5—10.

сумели его быстро подавить, хотя, вероятно, из-за него, а также по причине внутриполитических распрей они не сумели вовремя предоставить помощь афинянам.

Что же касается отношения Клеомена к этому восстанию, то мы совершенно согласны с выводом П. Оливы (стр. 147), что источники не подтверждают предположение о попытках Клеомена использовать восстание илотов для достижения своих политических целей. Правильно указывая на то, что в Спарте в этот период имели место различия между политическими группировками, одну из которых возглавлял, по-видимому, Клеомен, П. Олива не дает детального анализа его деятельности. Тем не менее сведения Геродота о взаимоотношениях Клеомена с Дорием и Демаратом дают возможность выяснить некоторые подробности внутриполитической борьбы в Спарте¹⁹. Значительно больше внимание П. Олива уделяет Павсанию, бывшему регентом при малолетнем Плейстархе, полагая, что он своей деятельностью положил начало открытому конфликту с эфорами (стр. 147, 150).

Обострение политической борьбы в Спарте явилось удобным моментом для нового восстания илотов в 464—461 гг. до н. э. Опасность этого восстания оказалась особенно угрожающей, потому что именно в это время случилось очень сильное землетрясение, в результате которого погибло около 20 тыс. человек. Несмотря на то что Спарта подавила это восстание, тем не менее III Мессенская война, как справедливо отмечает П. Олива (стр. 152—163), открыла опасные признаки кризиса в спартанском обществе, который стал особенно прогрессирующим после ее победы в Пелопоннесской войне.

В отличие от многих современных буржуазных исследователей, видевших причины кризиса спартанского общества в пороках так называемой ликурговой системы, П. Олива подходит к решению этой проблемы с материалистических позиций, отмечая, что в Спарте действовали те же разрушительные факторы, что и в остальных греческих государствах, вызванные таким сильнейшим социальным потрясением, каким была Пелопоннесская война (стр. 178). Важнейшими симптомами социального кризиса спартанского общества, как правильно считает П. Олива, были сокращение числа спартанских граждан и глубокая социальная дифференциация среди спартиатов (стр. 163—179). Как и многие современные историки, он верно отмечает, что сокращение общей численности спартиатов и появление различных категорий неполноправных граждан началось задолго до принятия в начале IV в. до н. э. так называемой регры Эшитадея (стр. 188—193). Вполне возможно, что важнейшей вехой в этом процессе могла служить III Мессенская война и случившееся в это время землетрясение. Ускорителем же этого процесса, бесспорно, стала Пелопоннесская война, настолько обострившая социальные противоречия в Спарте, что в 398 г. возник заговор Кинадона, в котором приняло участие различные слои населения, включая и илотов. В политической области кризисные явления нашли выражение в появлении политиков нового типа и в столкновении их с ревнителями старины, с носителями традиционного уклада и порядка. Эту проблему П. Олива исследует в разделе, посвященном Лисандру и Павсанию (стр. 179—188).

В отличие от некоторых ученых, которые пытаются «реабилитировать» Лисандра, доказывая, что его действия не определялись его личной инициативой, но представляли собой выражение официальной линии спартанского государства, П. Олива отмечает, что действия Лисандра противоречили принципам так называемой ликурговой системы, ревностными защитниками которой выступали Павсаний и эфоры. Правда, к сожалению, автор недостаточно подробно останавливается на методах, с помощью которых Лисандр готовился к перевороту (стр. 184—185)²⁰. Что же касается деятельности Павсания, то, по-видимому, можно согласиться с выводом П. Оливы о том, что этот спартанский царь не бескорыстно стремился использовать эфоров в своей борьбе с Лисандром (стр. 187—188).

¹⁹ См. В. Стр о г е ц к и й, Африканская и Сицилийская экспедиции Дориев, ВДИ, 1971, № 3, стр. 64 сл.; он же, Внешняя политика Спарты во второй половине VI — начале V в. до н.э., Автореф. канд. дисс., Л., 1973, стр. 19—24.

²⁰ Ср. Э. Д. Ф р о л о в, Греческие тираны, Л., 1972, стр. 55 сл.

Итак, этот конфликт показал, что Спарта переставала быть эталоном стабильности и порядка и что так называемый ликургов космос уже вступил в период своего разложения. И хотя в первые три декады IV в. до н. э. Спарта оставалась по-прежнему решающей силой в Греции, однако явления кризиса подтачивали ее могущество и привели к самым тяжелым за всю историю существования поражениям, в результате которых она не только потеряла гегемонию в Греции, но и свои владения в Мессении. В связи с этим мы не можем согласиться с утверждением П. Оливы о том, что после восстановления независимости Мессении число граждан в Спарте существенно не сократилось (стр. 196). Именно после событий 371—369 гг. в Спарте происходит обострение аграрно-политического кризиса, так как значительная масса спартиатов, земельные наделы которых находились в Мессении, потеряв землю, фактически лишлись и гражданских прав. Так, например, если в 418 г. число полноправных граждан составляло 4 тыс. человек, то уже к концу IV в. до н. э. это число сократилось до 1500 человек²¹.

Третья часть книги П. Оливы посвящена эллинистической Спарте. Характерной особенностью спартанской истории этого времени, как указывает П. Олива (стр. 196), было распространение наемничества, которое создавало условия для прихода к власти в Спарте правителей эллинистического типа. Доказательством этого, как убедительно показывает П. Олива, может служить правление царя Арея (стр. 250 сл.), который стремился восстановить спартанскую гегемонию в Пелопоннесе. Однако поражение Спарты в Хремонидовой войне, как и другие ее безуспешные попытки вернуть утраченные позиции, настолько обострили здесь социальные противоречия, что не оставалось другого выхода, кроме реформ или восстания (стр. 208—212). В Спарте земельная собственность до такой степени сосредоточилась в руках немногих лиц, что в конце концов вся древнеспартанская область оказалась во владении сотни семейств. Поэтому хотя инициатива проведения реформ действительно исходила от царей Агиса и Клеомена, объективно Спарта была уже подготовлена к реформам, и сама эта инициатива опиралась на требования масс.

Анализируя деятельность этих царей (стр. 213—268), П. Олива дает прежде всего характеристику источников по истории эллинистической Спарты. Он правильно отмечает, что хотя Полибий высказывает ценные замечания в адрес Филарха, которым пользовался Плутарх, его отношение к Агису и Клеомену очень тенденциозно, так как он не скрывал своей враждебности к демократическому движению в Спарте. Поэтому вполне справедливо звучит основной вывод автора о том, что биография Агиса и Клеомена, рассказанная Плутархом, остается принципиальным источником для любого серьезного исследования по истории социальных реформ в эллинистической Спарте. П. Олива дает ясную картину размежевания политических сил в Спарте, характеризуя сторонников и противников реформ. Первая попытка разрешить социальные проблемы в Спарте окончились поражением для массы рядовых спартиатов и трагически для самого Агиса. Однако казнь Агиса не стала преградой для его последователей, в частности для Клеомена III.

При том глубоком анализе деятельности Агиса и Клеомена, который дает П. Олива, хотелось бы видеть более всестороннее освещение причин поражения этого движения. Спартанские цари, подобно другим правителям эллинистического типа, стремились утвердить в Спарте сильную монархическую власть. В то же время Агис и еще более Клеомен, желая вернуть Спарту к «Ликурговым законам», фактически шли по пути создания сильного спартанского полиса, способного установить свое господство над государствами Пелопоннеса. Поэтому Клеомен и не думал проводить в городах Пелопоннеса такие же социальные реформы, которые он провел в Спарте. Однако греческий полис, вступивший в полосу кризиса, окончательно приходит в упадок в эпоху эллинизма, и никакая социальная реформа не могла его спасти.

²¹ А. Бергер, Социальные движения в древней Спарте, М., 1936, стр. 55; А. Дреев, Спарта как тип полиса, стр. 53, прим. 20.

Последний этап в истории самостоятельного спартанского государства связан с периодом правления Набиса. Некоторые современные западные исследователи видят в Набисе не более чем бандита, который заслуженно понес наказание за свои жестокости. Однако, по-видимому, следует согласиться с В. Эренбергом, который считал все мнения, основанные на данных Полибия, тенденциозными и проанализировал также позитивную сторону правления Набиса²². С этих же позиций анализирует деятельность Набиса и П. Олива (стр. 274—298), видя в нем более радикального реформатора, чем Клеомен. После его гибели в 192 г. Спарта окончательно потеряла свою независимость и вошла в состав Ахейской лиги. Однако это отнюдь не разрешило сложных проблем спартанской социальной жизни. Спарта не могла примириться с потерей своей независимости и ее конфликт с Ахейской лигой, как убедительно показывает П. Олива (стр. 298 сл.), не прекращался вплоть до утверждения в Греции римского господства. Поэтому не случайно тогдашние правители Спарты, истощенные борьбой с Ахейским союзом, уже начиная с первой половины II в. до н. э., пытались передать Спарту в полное подданство и распоряжение римского государства. И хотя в Спарте сохранились некоторые элементы «ликурговой системы», она стала не более чем «a colourful stage setting» для удовольствия богатых римских туристов (стр. 318).

Завершая рецензию на книгу П. Оливы, следует отметить, что некоторые наши возражения и замечания не умаляют общей положительной оценки труда. Они вызваны прежде всего сложностью самой проблемы и состоянием источников по истории Спарты, фрагментарность которых часто не позволяет прийти к однозначному выводу. В последнее время по истории Спарты написано гораздо больше книг и статей, чем по истории Афин. Тем не менее мы найдем очень немного работ, где бы с достаточной полнотой анализировались социально-экономические проблемы спартанской истории. Труд П. Оливы именно такого характера и представляет собой первую попытку в марксистской историографии дать последовательный и подробный анализ этих проблем на различных этапах развития спартанской истории. Это несомненная заслуга автора и значительный вклад в дальнейшее расширение наших представлений о древней Спарте.

В. М. Строгоцкий

²² V. E h r e n b e r g, RE, III, 2A, 1929, стр. 1437; RE, XVI, 2, 1935, стр. 1471.